

А.А. Бурыкин, В.А. Попов

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В ГОВОРАХ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА*

Термины родства, хотя они и представляют собой типичный и часто цитируемый в учебниках яркий пример тематической и лексико-семантической группы слов, на материале русского языка и восточнославянских языков (ВСЯ) изучены в недостаточной степени. Как показало специальное обращение к материалу [Бурыкин 2009], даже в приложении к русским ТР возможно отметить целый ряд сложных проблем. Их нерешенность так или иначе влияет на изучение проблемы ТР на материале диалектов и говоров русского языка и других ВСЯ, в особенности украинского языка: исследования здесь немногочисленны и недостаточно насыщены даже тем лексическим материалом, который хорошо известен по классическим словарям. Одним из самых полных сводов диалектных ТР в ВСЯ и славянских языках в целом оказывается «Этимологический словарь славянских языков» О.Н. Трубочева, материал которого может быть ныне пополнен по новым словарям русских, украинских и белорусских говоров. Все сказанное выше побуждает обратиться к описанию ТР в диалектах ВСЯ.

Сравнение состава ТР в ВСЯ позволяет выделить в нем две группы. Первую группу составляют такие термины кровного родства, как *отец, мать, брат, сестра, дед, бабушка*, и термины свойства — *зять, тесть, тёща, свёкор*. Эти термины в ВСЯ и тем более в диалектах показывают значительную близость формы и значения: различия между языками и диалектами приходятся в основном на вокативные формы (в изобилии представленные, например, в украинском языке и его говорах). Вторую группу составляют термины, различающиеся по форме — хотя бы в словообразовательном отношении — в отдельных языках и диалектах, а также термины, которые проявляют специфические особенности СР и СТР в отдельных языках и диалектах.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-01-00467а «Традиционные и современные системы родства восточных славян: опыт исследования структурно-типологической специфики в исторической динамике».

Описание восточнославянских ТР, которые в отдельных языках и диалектах образуются от разных основ и демонстрируют собственный состав значений и иногда заимствуются, требует поисков единого подхода, который позволил бы наблюдать архаизмы и инновации, отмечать черты специфики системной организации ТР в языке или говоре, характеризовать мотивационные отношения для диалектных ТР. В нашем описании мы основываемся на единстве производящих основ для рассматриваемых терминов, в основе которых лежат непроизводные ТР, имеющие собственные системы значений.

Источниками для данной работы послужили имеющиеся в распоряжении специалистов диалектные словари украинского языка, материалы большей части которых еще не учтены историческими или этимологическими словарями ВСЯ, а также двуязычные словари, имеющие помету «диал.» при отдельных лексемах. Эти материалы существенно дополнили и уточнили данные словаря украинского языка Б. Гринченко [1907–1909], который полностью сохраняет свое значение для изучения украинской лексики.

1. ТР, производные от основы *брат-*

Братець, братик, братичок, братко, браток, браточок, братонько, братичко, братоньо, братусь, братусик ‘брат’ [Гринченко 1907–1909, 1: 92].

Брат, братан, братиско, братішко, братко, братун, братусь, братух, братуха, ‘родной брат’ [Аркушин 2000, 1: 31].

Братанец ‘родной брат, ‘двоюродный брат’, ‘племянник’ [Аркушин 2000, 1: 31].

Братак ‘брат’ [Пипаш, Галас 2005: 16].

Братан ‘брат’ [Аркушин 2000: 31]; ‘двоюродный брат’ [Сл. буковин. гов.: 38].

Братан, братанец, братанич ‘племянник, сын брата’ [Гринченко 1907–1909, 1: 93].

Братаниця, братаничка, братанка ‘племянница, дочь брата’ [Гринченко 1907–1909, 1: 93: без определения с отсылками на другие словари].

Братанец, братанич, братанок ‘сын брата’, *братаниця* ‘дочка брата’ [Шило 2008: 58].

Братанец ‘племянник сын брата’, *братанка* ‘племянница, дочь брата’ [Закревская 1997, 1: 29].

Братанич ‘племянник по брату’, *братанна* ‘племянница по брату’ [Онишкевич 1984, 1: 70].

Братанич ‘сын брата’, *братанка* ‘дочь брата’ [Сл. буковин. гов.: 38].

Братунок = *братанец*, *братанич* ‘племянник, сын брата’ [Верхратский 1902: 394].

Браток ‘двоюродный брат’ [Лысенко 1974: 35].

Братиха ‘жена брата’ [Пипаш, Галас 2005: 16, 17].

Братова, *братиха* ‘жена брата’ [Аркушин 2000, 1: 31].

Некоторая пестрота и неоднородность форм здесь и далее связана с тем, что в диалектных словарях не всегда и с недостаточной четкостью отграничиваются друг от друга референтивные ТР, вокативные ТР и транспозиции вокативов, заменяющие термины, отражающие действительную степень родства. Однако сказанное относится по большей части к обозначениям сиблингов и кузенов (где, тем не менее, возникает серьезная проблема разграничения номинации родственников первой, второй и третьей степеней родства), в остальных случаях транспозиция наименований в целом хорошо прослеживается и не мешает анализировать систему именований.

В украинских говорах состав производных уменьшительных и увеличительных форм от основы *брат* для основного значения «сиблинг эго» в количественном отношении не уступает русским говорам, но характеризуется спецификой состава. Основная особенность украинских говоров — изобилие производных для обозначения сына сиблинга эго и дочери сиблинга эго, что, безусловно, связано с отсутствием названий племянников и племянниц — слово *племінник* в украинских диалектных словарях вообще отсутствует, а слова *небіж*, *небожка*, зафиксированные двуязычными словарями и словарем Б. Гринченко, для говоров украинского языка, очевидно, являются редкими. Можно полагать, что разброс обозначений потомка сиблинга в ВСЯ и диалектах связан с тем, что данный термин изначально использовался для обозначения не потомка сиблинга, как в современных языках, а потомка умершего сиблинга — такое употребление терминов *племянник*, *племянница* прослеживается по русским провинциальным документам XVIII в. [Бурыкин 2006]. Вместе с тем образования для обозначения супруги сиблинга от основы *брат-* в украинских говорах столь же немногочисленны, как и в русских говорах, они огранчиваются примерами *братова* и *братиха*.

2. ТР, производные от основы *сестр-*

Сестра, сестриця, сестричка, сестронька, сестриченька, сестрина, сеструня ‘сестра’ [Гринченко 1907–1909, 4: 116–117].

Сестра, сестронька, сестринка, сеструня, сеструха ‘сестра, двоюродная сестра’.

Сестриско, сестриця, сестрочко, сеструхна ‘сестра’ [Аркушин 2000, 2: 142].

Сестрична, сестриниця, сестрівниця ‘племянница, дочь сестры’ [Гринченко 1907–1909, 4: 117].

Сестрінец, сестрінич, сестрінок — ‘племянник, сын сестры’.

Сестреница, сестриница ‘дочь сестры’ [Сл. буковин. гов.: 482].

Сестринец, сестринич, сестрич ‘сын сестры’ [Сл. буковин. гов.: 482].

Сестринец, сестринчик, ‘сын сестры’ (сестриниці) [Шило 2008: 237].

Сестриничка, сестринка ‘дочь сестры’ [Шило 2008: 237].

Сестринец ‘сын сестры’ [Пипаш, Галас 2005: 173].

Сестрична ‘племянница, дочь сестры’ [Онишкевич 1984, 2: 211].

В украинских говорах широко представлены обозначения потомка сиблинга это женского пола независимо от пола потомка: «племянник — сын сестры» и «племянница — дочь сестры», ср.: *сестрична, сестриниця, сестрівниця* ‘племянница, дочь сестры’ и *сестрінец, сестрінич, сестрінок* — ‘племянник, сын сестры’. То же самое характерно для белорусских говоров. Ни в украинском, ни в белорусском языках образования от основы *сестр-* не отмечены в функции терминов свойства, что усиливает предположения о случайном характере таких форм в русских говорах и соотносимости их с вокативными формами.

3. ТР, производные от основы *сын-*

Син ‘сын’, *синовець* ‘сын’, ‘племянник, сын брата’, *синовиця* ‘племянница — дочь брата’ [Гринченко 1907–1909, 4: 121].

Синовец ‘племянник, сын брата’ [Аркушин 2000, 2: 145].

Синова ‘невестка’ [Сл. буковин. гов.: 486].

Синова ‘жена сына, невестка’ [Москаленко 1958: 66].

Украинские говоры дают наиболее полную картину производных от основы *сын* в формальном и содержательном от-

ношении, поскольку для современных русских говоров мы не располагаем документацией производных от основы *сын-* в значении каких-либо ТР.

4. ТР, производные от основ *вуй-* и *стрий-*

В украинских говорах довольно четко документируется различие наименований дяди по матери (брата матери) — *вуй* ~ *уй*, *вуйко* и дяди по отцу (брата отца) — *стрий*, *стрий*, *стрийко*, сопровождающихся соответствующей номинацией жены дяди по отцу и по матери — *уйна*, *вуйна* и *стрийна*. В украинских говорах в словообразовательные гнезда *вуй* ~ *уй* и *стрий* также входят наименования кузенов эго — детей братьев отца и матери: *уйчаник* ~ *уйчанка* и *стрийчаник* ~ *стрийчанка*. По-видимому, асимметрия внутри данной группы терминов является следствием неполноты фиксации материала (ср.: [Онишкевич 1984; Шило 2008]), вместе с тем в ряде говоров дифференцированные наименования двоюродных братьев и сестер по отцу и матери соответственно не фиксируются вовсе [Пипаш-Галас 2005; Москаленко 1958]. В ряде словарей сохраняются сами термины, но значения «брат отца» или «брат матери» уже четко не дифференцированы [Онишкевич 1984; Пипаш-Галас 2005; Москаленко 1958], причем расширение значения, поглощающее дифференциацию «брат отца/брат матери», наблюдается для обоих терминов.

Вуй, *вуйко* ‘дядя (без конкретизации)’ [Гринченко 1907–1909, 1: 259].

Ввуй, *вуйко* ‘дядя (без конкретизации)’, *вуйна* ‘дядина, тётка — жена дяди’ [Гринченко 1907–1909, 1: 259].

Вуй, *уйко* ‘брат матери’, ‘брат бабушки’, *уйна*, *вуйанка*, *уйчина* ‘жена брата матери’, *уйний* ‘двоюродный по матери’, *уйчаник* ‘сын брата матери’, *уйчанка* ‘дочь брата матери’ [Онишкевич 1984, 1: 152, 315].

Уйко ‘брат матери’, *уйна* ‘жена брата матери’, *уйчаник* ‘сын брата матери’, *уйчанка* ‘дочь брата матери’ [Сл. карпат. торунь: 193].

Вуйко ‘дядя — брат матери’, *вуйна* ‘жена маминого брата’, *вуйчаник* ‘сын маминого брата’, *вуйчанка* ‘дочь маминого брата’ [Сабадош 2008: 42].

Вуйко ‘брат отца или матери’, *вуйна*, *вуйчина* ‘жена брата отца или матери’ [Пипаш, Галас 2005: 31].

Вуйко ‘брат отца или матери’, *вуйна* ‘жена брата отца или матери (-дядина)’ [Сл. буковин. гов.: 64, 65].

Вуйко ‘брат матери’, *вуйна* ‘жена брата матери’ [Шило 2008: 86].

Вуйко ‘брат матери’, *вуйна* ‘жена брата или отца матери’ [Закревская 1997, 1: 42].

Вуйко ‘дядя, брат отца или матери’, *вуйанка* ‘тётка — жена брата отца или матери’, *вуйна* ‘тётка — сестра отца или матери’ [Москаленко 1958: 22].

Уйчина, уйкина ‘жена брата матери’ [Верхратский 1902: 476].

Стрий, стрия, стрик ‘дядя (без конкретизации)’, *стрийна* ‘тётка, сестра отца’, ‘дядина’ (жена брата отца. — А.Б., В.П.) [Гринченко 1907–1909, 4: 215–216].

Стрыко ‘брат отца’, *стрына, стрыка* ‘жена брата отца’, *стрычный брат, стрычаник* ‘Ohiems sohn’, ‘двоюродный брат по отцу’ [Верхратский 1902: 470].

Стрый ‘брат отца’, *стрийна* ‘жена брата отца’, *стрийчаник* ‘двоюродный брат по отцовской линии’ *стрийчанка* ‘двоюродная сестра по отцовской линии’ [Сабадош 2008: 344].

Стрый ‘дядя — брат отца’, *стрийна* ‘тётка — жена брата отца’, *стрийчаник* ‘двоюродный брат и сын брата отца’, *стрийчанка* ‘двоюродная сестра, дочь брата отца’ [Сл. карпат. торунь: 175].

Стрий ‘дядька по отцу, брат отца’, ‘муж сестры отца’, *стрийна* ‘сестра отца’, ‘жена брата отца’ [Сл. буковин. гов.: 526, 527].

Стрийко, стрик ‘брат отца’, *стрийна* ‘жена брата отца’, *стриенка* ‘дочь брата отца’, [Шило 2008: 246].

Стрийко ‘дядька, брат отца’. *стрийанка* ‘тётка, жена брата отца’ [Москаленко 1958: 68].

Стрий стрик ‘брат отца’, редко — ‘брат матери’, ‘брат деда’, *стрийний* ‘двоюродный по отцу’, *стрийна* ‘жена брата отца’ [Онишкевич 1984, 2: 258].

Стрий ‘брат отца’, *стрийна* ‘жена брата отца’ [Пипаш, Галас 2005: 184].

Стрыко ‘stryjek, дядя по отцу’, *стрыйна, стрына* ‘stryjenka, тётка по отцу’, *стрычаник, стрычный брат* ‘двоюродный брат по отцу’ [Горошак 1993: 218].

Слова *вуй, вуйко* и *стрий, стрик* для обозначения сиблингов матери и отца мужского пола в современном украинском языке рассматриваются как диалектные (об этом свидетель-

ствуют специальные пометы в современных двуязычных словарях: отсутствие каких-либо помет в словаре Б. Гринченко не свидетельствует ни о чем). В ряде говоров отмечаются варианты для обозначения супруги дяди по отцу или по матери, а также названия их потомков, приходящихся кузенами эго.

5. Термины свойства

Термины свойства в ВСЯ и их диалектах показывают значительно меньше различий, чем отдельные термины кровного родства. По сути, основной предмет интересов в этой области сводится к некоторым лексическим заменам, наблюдаемым в говорах, и к тому, что уже привлекало наше внимание, — словообразовательной вариативности отдельных общеславянских ТР. По причине немногочисленности материала термины свойства в ВСЯ представляется возможным рассмотреть в одном разделе настоящей статьи.

Невестка, невістка ‘жена брата, братова’, ‘жена сына, синова, синиха, жена брата мужа, ятрівка, ятроха’ [Рус.-укр. сл.: 566].

Невістка (без уточнений), *невіхна* (без уточнений) [Гринченко 1907–1909, 2: 541].

Невіста ‘сина жена’ [Верхратский 1902: 439].

Невістухна ‘невестка’ [Аркушин 2000, 1: 343].

Невістка ‘жена сына или брата’ [Сабадош 2008: 203].

Невістка ‘сноха’ [Сл. карпат. торунь: 131].

Невіста ‘синова’ (жена сына) [Горощак 1993: 137].

В наименовании жены сына или жены брата между ВСЯ наблюдается разительный контраст. Фактически мы не имеем украинских и белорусских параллелей для хорошо известного в русском литературном языке и говорах слова *сноха* «жена сына, реже — жена брата» (гипотеза о том, что термин *сноха* относится к узусу свёкра, не подтверждается фактами) [Бурякин 2009]. Восточнославянские параллели к этому слову, в частности бел. диал. *снохва*, редки настолько, что не отмечены у Фасмера [Фасмер 1964–1972, 3: 700]. Значения «жена сына» и «жена брата» в украинском и белорусском языках разводятся за счет образований от основ *сын-* и *брат-* соответственно.

Украинское *зовиця* (‘золовка, сестра мужа’), несомненно, восходит к **золвица* и поддерживает общевосточнославянский характер данного образования, но в диалектных словарях отсутствует, как и *свекра* ‘свекровь, мать мужа’.

Привлекает внимание то обстоятельство, что при разнообразии форм термина со значением «мать мужа» форма *свекра* встречается во всех трех ВСЯ, складывается впечатление, что форма на *-ї* оказалась довольно рано замененной формой на *-ā*, которая осталась единственной в украинском языке. Принципиально важным оказывается то, что в этом и подобных случаях полностью отсутствует тенденция к семантической дивергенции вариантных форм.

Шурин, разг. *шуряк* 'шурин, брат жены' [Рус.-укр. сл.: 1376].

Шурин, шуряк, шурячок [Гринченко 1907–1909, 4: 519–520], диал. *швагер* 'шурин, брат жены' [Там же: 488].

Швагер 'шурин' [Лысенко 1974: 234].

Швагро, швагер 'шурин' [Пипаш, Галас 2005: 224].

Швагер 'шурин, муж сестры' [Онишкевич 1984, 2: 380].

Швагер 'муж сестры', 'брат мужа' [Закревская 1997: 214].

Швагер 'муж сестры' [Шило 2008: 278].

Швагер 'муж сестры' [Горошак 1993: 245].

Швагер 'шурин', *швагрова* 'жена брата, свояченица, золовка' [Сл. буковин. гов.: 659, 660].

Швагрова 'сестра жены или мужа', 'жена брата, своячка' [Закревская 1997: 215].

Русское *шурин* «брат жены», не имеющее других значений и обладающее минимумом вариантов по форме в говорах, имеет точное соответствие в украинском языке — *шурин* — и вместе с вариантами в белорусском языке — *шурин, шуряк, шурак*. Значения «брат жены» фиксируются у заимствованного слова *швагер* в белорусских и украинских говорах [Лысенко 1974; Пипаш, Галас 2005; Онишкевич 1984]. Немецкое *Schwager*, при посредстве польского языка ставшее источником для украинских и белорусских слов, имеет следующие значения: 'деверь'; 'шурин'; 'зять (муж сестры или золовки)'; 'свояк', что мы и наблюдаем в разных пропорциях в нашем материале. Польск *szwagier* 'шурин', 'свояк'; 'деверь' не имеет значений «зять, муж сестры» (впрочем, тут нужны польские диалектные данные). Другая группа украинских диалектных словарей [Закревская 1997; Шило 2008; Горошак 1993; Сл. буковин. гов.] отмечает для термина *швагер* значения «муж сестры» — одно из значений русского *зять* [Онишкевич 1984; Закревская 1997], или «деверь, брат мужа» [Закревская 1997]. Образованные от данной лексики термины, обозначающие женщин, в украинских и белорусских говорах единичны и сильно разнятся по форме и значению.

Ятровь ятроха, ятрівка ‘жена мужнина брата’ [Гринченко 1907–1909, 4: 546].

Ятровица, ятровка, ятроха, ятрошка ‘жена брата мужа’ [Аркушин 2000, 2: 289].

Ятровка ‘жена брата мужа’ [Лысенко 1974: 239].

Ср.: *тетачка* ‘жена брата мужа’ [Сабадош 2008: 350].

Украинские примеры документации термина *ятровь* и его производных единообразны и по значению, и по форме. В русских говорах, как можно понять, данный термин заменен лексическими единицами с большей степенью мотивированности: это слова *свестка, свѣстка, свесть, свесь, свестья, свестюха, свестя, свесья* «сестра жены, свояченица» [СРНГ, 36: 251–252], по крайней мере часть которых должна иметь значение «жена брата мужа» [Бурыкин 2009], и термины *сношевица, сношелица, сношельница, сношеница, сношенница, сношница* «жена деверя» [СРНГ, 30: 130–132].

За пределами данной статьи остаются различия в семантике термина *своjak* и производных от него (*своjакиня, своjачка, своjаченица*) по отдельным ВСЯ, представляющие сложную проблему, для решения которой мы пока не располагаем соизмеримым материалом по разным языкам и диалектам.

Итогами данного исследования являются следующие наблюдения и выводы.

1. Однородность состава и системы ТР в таких близкородственных языках, как ВСЯ, оказывается весьма иллюзорной. Различия в составе и системе значений ТР охватывают как отдельные языки в литературной форме, так и их многочисленные диалекты и говоры.

2. Значительная вариативность по языкам и отдельным говорам наблюдается в отношении обозначения потомка сиблинга независимо от пола (рус. лит. *племянник/племянница*), супруги сиблинга и супруги потомка (рус. лит. *невестка*).

3. Основы ТР *брат-* и *сестр-* оказываются весьма продуктивными в говорах всех ВСЯ, и за счет различия в словообразовательных средствах создается синонимия отдельных терминов внутри говоров и дистинкция терминов в отдельных говорах. Значительно меньшей по сравнению с указанными основами продуктивностью характеризуется производящая основа *сын-*.

4. Обозначения сиблингов и кузенов в говорах ВСЯ не имеют отчетливой дифференциации, которая оказывается характерной только для литературных языков.

5. Различение родства по мужской и женской линиям утрачено русским литературным языком и русскими говорами, оно сохраняется только в украинских и белорусских говорах, будучи уже нетипичным для украинского и белорусского литературных языков. Искусственная активизация терминов *вуй*, *стрый* и их производных не находит поддержки ни в диалектном материале, ни на поздних этапах истории русского литературного языка, определяющих тенденции эволюции современного русского литературного языка.

6. Лексические микросистемы, выявляемые внутри тематической группы ТР в отдельных языках и говорах, как представляется, имеют относительно позднее происхождение и связаны с фактами конкретных говоров на уровне лексики и словообразования.

7. Рассмотрение ТР, встречающихся в отдельных говорах русского, украинского и белорусского языков, как общеславянских или общевосточнославянских фактов, выглядит в целом корректным с точки зрения логики сравнительно-исторических и этимологических исследований на современном этапе развития лингвистической компаративистики. Однако для подтверждения подобных построений необходимо тщательное исследование ТР, в особенности в семантическом плане, которые встречаются в ранних письменных памятниках ВСЯ и имеют поддержку в виде фактов современных говоров.

Аркушин 2000 — *Аркушин Г.* Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Ч. 1–2.

Бурыкин 2006 — *Бурыкин А.А.* Терминология родства и свойства как средство характеристики социальных отношений (на материале вологодских имущественных описей конца XVIII в.) // АР-11. С. 204–213.

Бурыкин 2008 — *Бурыкин А.А.* Наблюдения над употреблением терминов родства в вологодских имущественных описях конца XVIII в. и задачи дальнейшего историко-лексикологического изучения русских терминов родства и свойства // Русская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2008. Вып. 7. С. 167–176.

Бурыкин 2009 — *Бурыкин А.А.* Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // АР-12. С. 208–290.

Верхратский 1902 — *Верхратский I.* Про говор галицких лемків. Львов, 1902.

Гороцак 1993 — *Гороцак Я.* Перший лемківсько-польській словник. Легница, 1993.

- Гринченко 1907–1909 — *Гринченко Б.* Словарь української мови. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.
- Добровольский 1914 — Смоленский областной словарь / Сост. В.Н. Добровольский. Смоленск, 1914.
- Жукова 2008 — *Жукова Н.А.* Названия, примыкающие к терминологии родства // Русская речь в современном вузе. Орел, 2008. С. 20–24.
- Закревская 1997 — Гуцульські говірки. Короткий словник / Від ред. Я. Закревська. Львів, 1997.
- Казаченко 2010 — *Казаченко Б.Н.* Русское родство: прошлое и настоящее. М., 2010.
- Лисенко 1974 — *Лисенко П.С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Москаленко 1958 — *Москаленко А.А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.
- Онишкевич 1984 — *Онишкевич М.И.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1–2.
- Пипаш, Галас 2005 — *Пипаш Ю., Галас Б.* Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005.
- Рус.-укр. сл. — Русско-украинский словарь / под ред. В.В. Жайворонка. Киев, 2003.
- Сабадош 2008 — *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Сл. карпат. торунь — Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- Сл. буковин. гов. — Словник буковинських говірок / Від ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1965 — СПб., 2012. Вып. 1–44.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.– СПб., 1965 – по н.в. Вып. 1–43.
- Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков. М., 1974 – по н.в. Вып. 1–31.
- Фасмер 1964–1972 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1972. Т. 1–4.
- Шило 2008 — *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк, 2008.